

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.Е. Тихонова

*д.социол.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Институт социологии ФНИСЦ РАН
(Москва)*

МЕЖГЕНЕРАЦИОННОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАТУСОВ И КЛАССОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Аннотация. Межгенерационное воспроизводство профессиональных статусов в современной России уступает по распространенности процессам профессиональной мобильности и характерно в первую очередь для полярных групп: руководителей и профессионалов, с одной стороны, а также рабочих и рядовых работников торговли — с другой. Иначе обстоит дело с классовой принадлежностью, для которой характерно именно межгенерационное воспроизводство. Этот кажущийся дисбаланс объясняется тем, что выходцы из родительских семей с разным профессиональным статусом, даже входящие сами в одни и те же профессиональные группы, занимают в них заметно различающиеся по всем ключевым показателям рабочие места. Выходцы из семей руководителей и профессионалов, сохранившие их профессиональную принадлежность, оказываются обычно в ядре среднего класса, выделенного с учетом дохода, образования и профессиональной принадлежности индивидов. В то же время выросшие в семьях с иным профессиональным статусом родители руководители и профессионалы обычно относятся сегодня в России лишь к периферийной части среднего класса или вообще в него не попадают, поскольку специфика ресурсов (квалификационного, личностного и т.п.) выходцев из разных типов родительских семей сказывается на их возможностях занятия наиболее привлекательных рабочих мест в рамках соответствующих профессиональных групп. Более того, выходцы из семей руководителей и профессионалов имеют высокие шансы попасть в состав среднего класса даже в случае занятия ими позиций полупрофессионалов или клерков, а также сравнительно невысокую вероятность оказаться в составе низшего класса в случае попадания в число рабочих и рядовых работников торговли, поскольку и в этих профессиональных группах они занимают позиции, обеспечивающие наиболее высокие зарплаты, выполнение функций супервайзеров и т.п. В то же время для потомственных представителей низшего класса характерно попадание на худшие во всех отношениях рабочие места даже в рамках типичных для него профессиональных групп (рабочих и рядовых работников торговли). Эти особенности социального воспроизводства во многом определяют и его общий характер в современной России.

Ключевые слова: *социальное воспроизводство, социальная мобильность, классовая принадлежность, воспроизводство профессиональных статусов, профессиональная мобильность.*

JEL: D01, E24, E65, E71, I30, J00.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_61_78.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Проблематика социальной мобильности рассматривается сейчас в отечественной науке и с точки зрения особенностей в российском обществе различных её видов, и в сравнении с другими странами, и через призму сопоставления отдельных поколений (см. [Козырева, 2013; Нова ли..., 2016; Многомерная..., 2018; Черныш, 2010; Ястребов, 2016а; Ястребов, 2016b]). Относительно редко, но все же встречаются и работы, анализирующие роль отдельных социальных институтов или видов ресурсов для вероятности восходящей или нисходящей мобильности в стратификационной иерархии (см. [Модель..., 2018; Тихонова, 2014а; Тихонова, 2014b; Черныш, 2005 и др.]). Изредка встречаются и публикации, посвященные математическим оценкам вклада социального происхождения в социальное неравенство [Карцева, Кузнецова, 2020] или роли культурного капитала в трактовке П. Бурдьё [Бурдьё, 2002] в процессе социального воспроизводства (см. [Тихонова, 2014b] и др.). Отечественными учёными при этом не только продемонстрирован сложный и неоднозначный характер социальной мобильности в современном российском обществе, но и установлено, что возможности для основных форм мобильности за последние десятилетия в России снизились, причем это касается как территориальной мобильности (см. [Зубаревич, 2010; Мкртчян, 2013; Ястребов, 2016b] и др.), так и образовательной (см. [Константиновский, 2008; Образование..., 2018; Новые..., 2015; Ястребов, 2016b] и др.), социально-профессиональной [Мобильность..., 2017; Ястребов, 2016b; Gerber, Hout, 2004] и доходной мобильности [Мареева, Слободенюк, 2019].

Характерное для исследований последних лет фокусирование внимания преимущественно на анализе процессов социальной мобильности оставляет в тени, впрочем, другую сторону проблемы, а именно, *межгенерационное социальное воспроизводство, т.е. масштабы и механизмы передачи классовых, профессиональных и иных позиций от поколения к поколению*. При этом нужно учитывать, что социальное воспроизводство различных социальных групп имеет для них принципиально разный смысл, скрывая за собой как возможность успешного удержания «унаследованных» от родителей сравнительно высоких статусных позиций в социальных иерархиях², так и «зависание» в её середине или даже невозможность вырваться на протяжении двух и более поколений из положения «социальных аутсайдеров».

Учитывая важность проблематики межгенерационного воспроизводства профессиональных статусов и классовой принадлежности, а также недостаточное внимание к ней отечественных исследователей, я сосредоточусь в данной статье именно на ней, точнее — проанализирую роль профессионального статуса родителей в вероятности попадания на те или иные профессиональные и классовые позиции современного российского общества. Ибо основой для места в классовой иерархии в рыночных обществах позднеиндустриального типа выступает профессиональный статус индивидов. Профессиональные статусы определялись при этом в соответствии с их классификацией, принятой в Международном классификаторе занятий в его версии 2008 г. (International Standard Classification of Occupations-08, сокращенно ISCO-08)³. В основе выделения профессиональных групп во всех версиях в ISCO лежит матрица признаков, учитывающая, с одной стороны, набор видов деятельности, задачи и обязанности которых имеют высокую степень схожести, а с другой — уровень образования, обеспечивающий способность выполнять задачи и обязанности, предусмотренные этими видами деятельности.

Классовые позиции индивидов, позволившие проанализировать особенности социального происхождения в России представителей разных классов, определялись на основе профессиональных статусов индивидов, а также их образовательных и доходных характеристик. Тем самым я исходила из той разновидности неовеберийских подходов, которая основывается на принципе вертикальной ранжированности общества и рассматривает

² Поскольку речь в данной статье идет о массовых слоях населения, то говорить о высоких статусных позициях можно лишь с определенной долей условности, т.е. как об относительно высоких.

³ Подробнее см.: Классификаторы профессий ISCO. www.hse.ru/rlms/rlms/classif/isco и [International... 2012].

интегральный социальный статус (в классовых обществах им является классовая принадлежность) как результат агрегирования позиций в ключевых статусных иерархиях. Под средним классом в статье подразумеваются, соответственно, индивиды, находящиеся на средних позициях в экономической, властной и квалификационной статусных иерархиях⁴ (или хотя бы в двух из этих иерархий⁵). Под низшим классом подразумеваются индивиды, находящиеся на нижних статусных позициях во всех этих иерархиях. Между средним и низшим классами находится достаточно большая трансграничная зона. При таком подходе средний класс — это не просто экономический класс со средними для данного общества характеристиками активов, дохода, имущества и т.п., а социальный класс, представители которого устойчиво занимают срединное положение в социальной иерархии престижа с учетом специфики критериев престижности тех или иных характеристик индивидов в соответствующем обществе, включая, разумеется, и их экономические характеристики.

С точки зрения методики определения классовой принадлежности это означало необходимость использования применительно к современному российскому обществу таких критериев, как: 1) принадлежность по профессиональному статусу к 1–4 классам по ISCO-08 (т.е. учитывался относительно более престижный и доходный характер «беловоротничковой» занятости); 2) наличие законченного высшего образования (поскольку оно является престижным в глазах большинства населения страны и это единственный тип образования, способный приносить в современной России дополнительные ренты, что также влияет на отношение к нему в обществе [Лукьянова, 2010; Тихонова, Каравай, 2018; Профессии..., 2017]); 3) среднедушевые доходы в домохозяйстве свыше 1,25 поселенческой медианы как границы, при которой в России начинают доминировать характерные для среднего класса развитых стран поведенческие паттерны, экономическое благополучие становится устойчивым, а потребление характеризуется наиболее престижными в глазах населения России особенностями [Модель ..., 2018].

Представители выделенного с учетом этих критериев ядра среднего класса обладают всеми этими признаками, но численность этого ядра в России очень невелика и составляла в 2019 г. 7,9% всего взрослого населения страны. Периферийная часть среднего класса включает: 1) лиц со среднедушевыми доходами в домохозяйствах свыше 1,25 в их типах поселений, хотя и с нетипичными для среднего класса профессиональными статусами⁶, а также 2) тех, кто обладают одновременно высшим образованием и профессиональными позициями, характерными для среднего класса, но чьи среднедушевые доходы ниже 1,25 медианы (при условии, что они выше уровня в 0,75 медианы доходов в их типах поселений, означающего в российских условиях уровень бедности⁷). В совокупности эти относящиеся к периферии среднего класса группы насчитывали в 2019 г. чуть менее трети населения. Общая же численность среднего класса, выделенного согласно этой методике, достигала в 2019 г. почти 40% взрослого населения, причем для большинства его представителей была характерна неконсистентность статусных позиций в разных статусных иерархиях.

Представители трансграничной зоны обладают либо только «беловоротничковой» занятостью, либо только высшим образованием при относительно низких среднедушевых доходах. Эта часть населения составляла в 2019 г. 23,6% всех россиян от 18 лет и старше. Наконец, представители низшего класса (36,7%) не обладают ни одним из признаков сред-

⁴ В этом случае можно говорить о ядре среднего класса.

⁵ В таком случае речь идет о периферийной части среднего класса.

⁶ Как показал дополнительный анализ, в массе своей они имеют, в отличие от остальных представителей тех же профессиональных групп, властный ресурс и относительно большую продолжительность обучения, т.е. занимают относительно более высокое положение во властной и квалификационной иерархиях.

⁷ Как показал дополнительный анализ, в большинстве случаев это происходит из-за иждивенческой нагрузки, прежде всего несовершеннолетними детьми.

него класса и занимают низшие позиции во всех ключевых статусных иерархиях⁸. Стоит отметить, что низший класс не полностью совпадает с совокупностью рабочих и рядовых работников торговли и бытового обслуживания (б/о) — около трети последних не попадает в его состав за счёт относительно высоких доходов, которые они имеют, а некоторые и за счёт наличия у них высшего образования. Соответственно, они оказываются в трансграничной зоне или даже в периферийной части среднего класса. Тем не менее типичным для рабочих и рядовых работников торговли является пребывание в составе низшего класса, что, естественно, отражается и на престижности принадлежности к ним, и на общем месте представителей данных профессиональных групп в иерархии статусных позиций.

Эмпирической базой исследования выступил массив данных опроса, проведенного Левада-Центром⁹ в январе 2019 г. по общероссийской выборке численностью 1626 респондентов, репрезентировавшей население страны от 18 лет и старше по федеральным округам, типам поселений, полу, возрасту и наличию высшего образования.

Межгенерационное воспроизводство профессиональных статусов россиян и их классовой принадлежности

Профессиональная структура работающей части населения страны в нашей выборке была близка к данным статистики (рис. 1), хотя ФСГС РФ и Левада-Центр (ИА) используют при определении профессиональных статусов разные версии ISCO-08¹⁰. Профессиональный статус родителей оценивался на момент, когда респонденту было 16 лет. Этот возраст традиционно избирается в исследованиях социального воспроизводства и межгенерационной мобильности для оценок статуса родительской семьи, поскольку в это время обычно происходит выбор молодыми людьми их образовательных траекторий, обуславливающих их профессиональную и статусную позицию в будущем. Соответственно, положение в обществе родительской семьи особенно сильно сказывается на будущих позициях в обществе выходцев из них именно в данном возрасте.

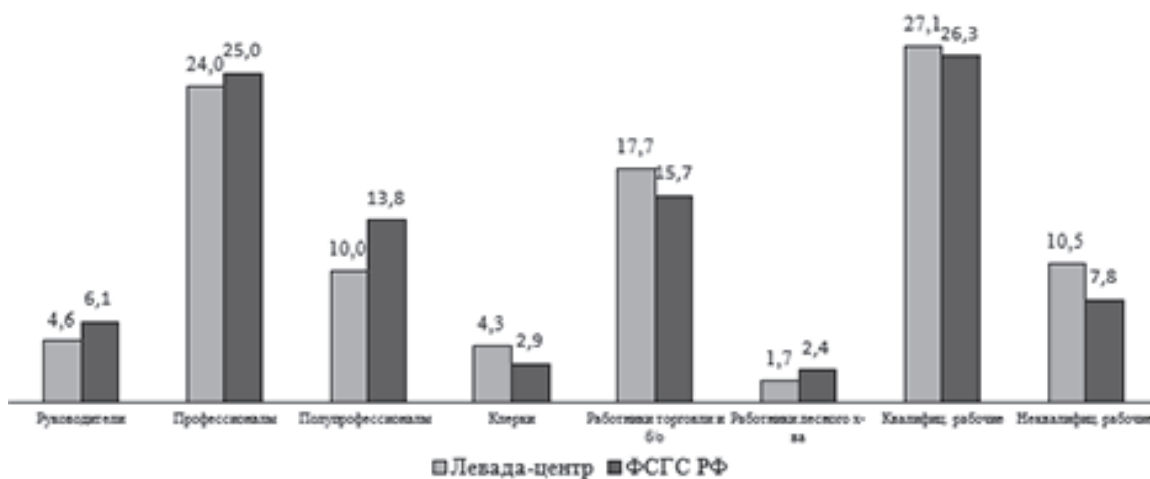

Рис. 1. Профессиональная структура занятого населения России в 2019 г., %

Источник: Левада-Центр (ИА); ФСГС РФ. Данные ФСГС РФ приводятся по табл. 2.32. Численность и структура занятых по группам занятий: [ФСГС РФ, 2020].

⁸ Теоретические основания и методика такого деления подробно описаны в: [Тихонова, 2020].

⁹ АНО «Аналитический Центр Юрия Левады» включена Минюстом РФ в список некоммерческих организаций — иностранных агентов, далее — ИА.

¹⁰ Общероссийский классификатор занятий, используемый ФСГС РФ [Общероссийский..., 2020], является адаптированной статистической службой России к условиям нашей страны версией международного классификатора ISCO. Левада-Центр (ИА) использует базовую версию этого международного классификатора.

С учетом образования и квалификации, предполагающихся на разных профессиональных позициях, а также престижности и доходности самих этих позиций, в совокупности определяющих обычно интегральный социальный статус человека в обществе, нами было выделено 6 групп¹¹ родительских семей: 1) семьи, где оба родителя занимали позиции руководителей и профессионалов (в нашем подмассиве работающих россиян — выходцев из этого типа семей было 13,6% при 9,8% по неработающим); 2) семьи, где только один из родителей был руководителем или профессионалом, а второй — полупрофессионалом или клерком (4,5% и 3,8%); 3) семьи, где один из родителей был руководителем или профессионалом, а второй — рабочим или рядовым работником торговли и б/о (18,9 и 16,8%); 4) семьи, где оба родителя занимали позиции полупрофессионалов или клерков (3,4 и 2,7%); 5) семьи, где один из родителей был полупрофессионалом или клерком, а второй — рабочим или рядовым работником торговли и б/о (10,4 и 8,0%); 6) семьи, где оба родителя были рабочими или рядовыми работниками торговли и б/о (49,2 и 58,9%). Как видно из этих данных, половину работающих россиян составляют выходцы из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о (продавцы, кассиры и т.п.), которых в обществах современного типа принято обычно рассматривать как ядро низшего класса. Выходцев из семей руководителей и профессионалов, т.е. профессиональных групп, традиционно рассматривающихся в социологии как типичные представители ядра среднего класса, в составе работающего населения России оказалось по состоянию на 2019 г. в разы меньше. Представители остальных 4 групп имели менее четкое классовое происхождение, хотя подавляющее большинство группы, один из родителей членов которой был руководителем или профессионалом, а второй — полупрофессионалом или клерком, также можно рассматривать с учетом ряда её характерных особенностей, как выходцев из семей ядра среднего класса [Тихонова, 2020с].

Межгенерационное воспроизводство профессиональных статусов родителей характеризует в первую очередь полярные группы (рис. 2). Среди тех, чьи родители были руководителями или профессионалами или же один родитель относился к этим профессиональным группам, а второй был полупрофессионалом или клерком, почти половина также стали руководителями и профессионалами и еще 12,1% и 20,0%, соответственно, — полупрофессионалами или клерками. В то же время среди выходцев из семей, где родители являлись рабочими или рядовыми работниками торговли и б/о, 65,1% также стали представителями этих профессиональных групп, а руководителем и профессионалом стал лишь каждый пятый. Для представителей групп с другим социальным происхождением вероятность оказаться в числе руководителей и профессионалов или, напротив, в числе рабочих и рядовых работников торговли и б/о была практически одинаковой. Это говорит не только о том, что они занимают промежуточные позиции между ядрами среднего и низшего классов, относясь к их периферийной части или к трансграничной зоне, но и о том, что *профессиональная структура России относится пока к разряду открытых структур, где масштабы мобильности между составляющими её элементами довольно велики.*

Однако социальное происхождение представителей различных поколений россиян довольно сильно дифференцировано (рис. 3). В группе молодежи до 30 лет почти четверть выросла в семьях, где родители работали руководителями или профессионалами или же один из них относился к данным группам, а второй был полупрофессионалом или клерком, и лишь 46,9% выросли в семьях рабочих и/или рядовых работников торговли и б/о. В то же время в поколениях старше 50 лет первых было намного меньше, а вторые составляли

¹¹ Более дробное деление при имевшейся численности выборки проводить было нецелесообразно в силу малочисленности некоторых из них. В том случае, когда респондент сообщал данные только об одном из родителей, за основу расчётов принималась имеющаяся о нём информация.

безусловное большинство¹². Это обусловлено переломом в профессиональной структуре родительских семей, который произошел, судя по результатам анализа пятилетних возрастных когорт, в группе тех, кому сейчас 50–55 лет. Объективной основой этого перелома выступило изменение профессиональной структуры страны в 1960–1970-е гг, проявившееся прежде всего в сокращении занятости в индустриальном секторе и росте числа рабочих мест в третичном и четвертичном секторах экономики.

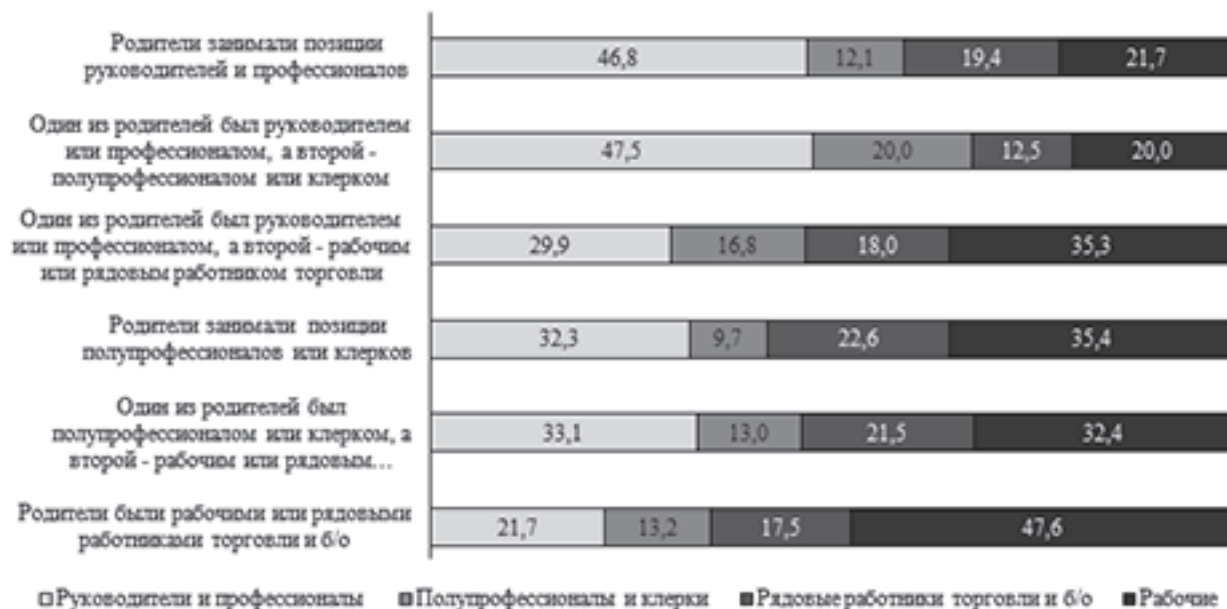

Рис. 2. Профессиональные позиции выходцев из семей с разным профессиональным статусом родителей в 2019г., %

Источник: Левада-Центр (ИА), 2019

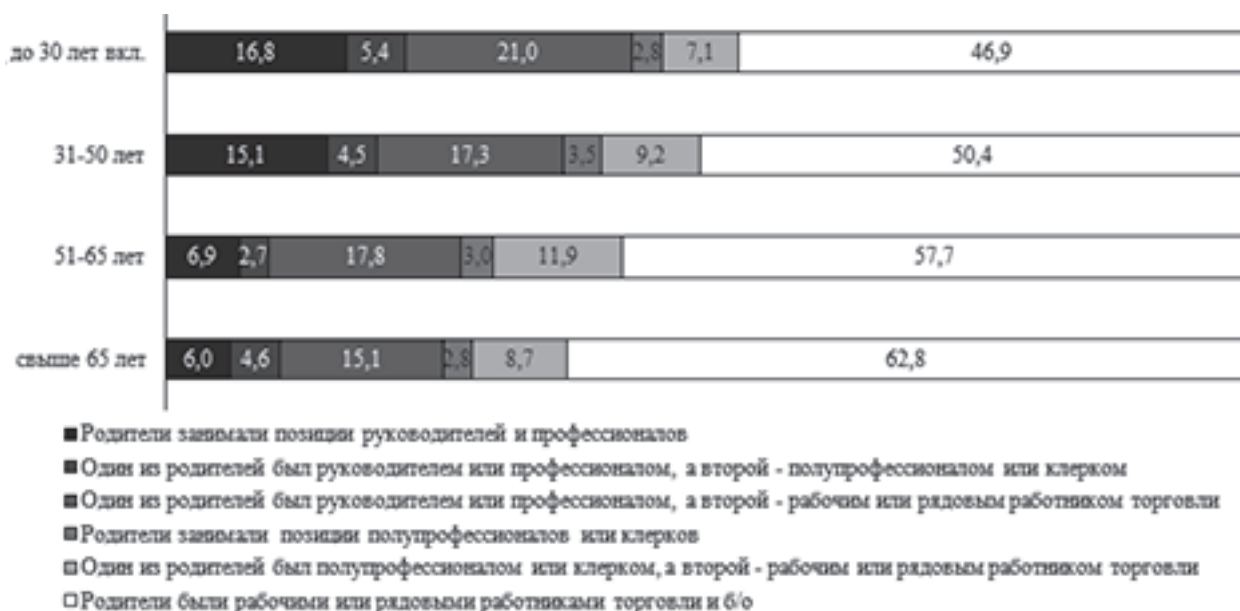

Рис. 3. Профессиональные позиции родителей россиян из разных возрастных групп в 2019 г., %

Источник: Левада-Центр (ИА)

¹² Учитывая связь возраста и занятости, цифры приводятся по поколениям в целом, без деления на работающих и неработающих.

В результате в разных поколениях вероятность воспроизвести профессиональный статус родителей у выходцев из разных типов родительских семей различается. Так, для выходцев из семей, в которых родители относились к руководителям и профессионалам, максимальная вероятность воспроизводства их профессиональных статусов была среди тех, кому в 2019 г. было от 31 до 40 лет, т.е. тех, кто родился в 1980-х гг. (почти 60% при 45,6% по данной группе в целом). Для выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о процесс воспроизводства статусов доминировал над процессами профессиональной мобильности наиболее выражено также в группе 31–40 лет и в следующей возрастной когорте. Таким образом, в наибольшей степени зависели от профессиональных позиций родителей позиции россиян, вступивших в трудовую жизнь уже в 2000-х гг. Это соответствует упоминавшимся в начале данной статьи выводам других учёных о снижении в России в последние десятилетия возможностей для любых форм мобильности, в том числе и профессиональной¹³.

Что же касается поколения, вступившего в трудовую жизнь в 2010-х гг., то окончательные выводы относительно него делать еще преждевременно, поскольку позиции профессионалов и особенно руководителей требуют зачастую ряда лет для их достижения. Тем не менее имеющиеся данные позволяют предполагать, что роль межгенерационного воспроизводства профессиональных статусов для массовых слоев населения страны в 2010-е гг. скорее усилилась, чем уменьшилась. Это означает, что в целом по населению в последние два десятилетия процессы межгенерационного воспроизводства профессиональных статусов продолжают усиливаться, а возможности профессиональной мобильности сокращаются.

Однако переход в профессиональную группу, относящуюся в массе своей к другому социальному классу, далеко не всегда означает в современном российском обществе полное преодоление социальной дистанции между её новыми членами и теми, кто относится к ней уже не первое поколение. Во всяком случае устойчивость и привлекательность профессиональных позиций выходцев из семей, которые с высокой долей вероятности относились к ядрам среднего и низшего классов, но сами на момент опроса 2019 г. входили уже в другую, чем их родительская семья, профессиональную группу, различаются довольно сильно. Так, улучшить свое материальное положение за непростые 2016–2018 гг. удалось 34% работавших в 2019 г. руководителями или профессионалами, выходцев из семей, где родителей можно было с высокой долей вероятности отнести по их профессиональному статусу к ядру среднего класса и вдвое меньшему (18,5%) числу выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о, также сумевших стать руководителями и профессионалами. В разы различалась у представителей двух этих групп и доля сумевших получить за последние три года повышение на работе или найти новую, более подходящую работу (19,2 и 8,1%). Наконец, у различающихся социальным происхождением руководителей и профессионалов разной была в 2014–2018 гг. и динамика реальной оплаты их труда. Покупательная способность зарплаты работающих руководителями или профессионалами уменьшилась за 5 лет после начала кризиса 2014–2016 гг. менее чем у половины выходцев из семей, где родителей можно было отнести по профессиональному статусу к ядру среднего класса (47,8%), в то время как у выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о это уменьшение затронуло большинство (57,8%).

Еще больше различаются, несмотря на принадлежность к одним и тем же профессиональным группам, немонетарные характеристики занятости представителей

¹³ В то же время я согласна с теми авторами, которые связывают эту динамику прежде всего с особенностями изменения самой профессиональной структуры российского общества и считают, при условии допущения её неизменности, что вероятность профессиональной мобильности остается в России в последние десятилетия почти одинаковой [Ястребов, 2016b].

двух этих подгрупп руководителей и профессионалов. Так, для рабочих мест руководителей и профессионалов — выходцев из семей с этими же профессиональными позициями — характерны наличие на работе ресурса влияния на принятие решений в масштабе своего подразделения или предприятия в целом, важность полученного ранее образования для выполнения текущей работы¹⁴, наличие возможностей для профессионального саморазвития и т.п. Соответствующие показатели для руководителей и профессионалов, родители которых были рабочими или рядовыми работниками торговли, существенно ниже (рис. 4). В целом же рабочие места выросших в семьях руководителей и профессионалов представителей этих же профессиональных групп характеризуются либо только (57,7%) плюсами (в качестве таковых мы рассматривали различные формы автономности труда, возможности карьерного или профессионального роста, значимость для выполняемой работы полученного ранее образования и практического опыта), либо плюсы на них перевешивают минусы (6,4%). Соответствующие показатели у руководителей и профессионалов, выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли и б/о, составляли в нашем массиве данных лишь 41,1% и 3,2%. Для них, напротив, были характерны некачественные рабочие места с доминированием таких минусов занятости, как сильная зависимость итогового размера зарплаты от премиальной части и/или штрафов, плохие условия труда, временный характер работы.

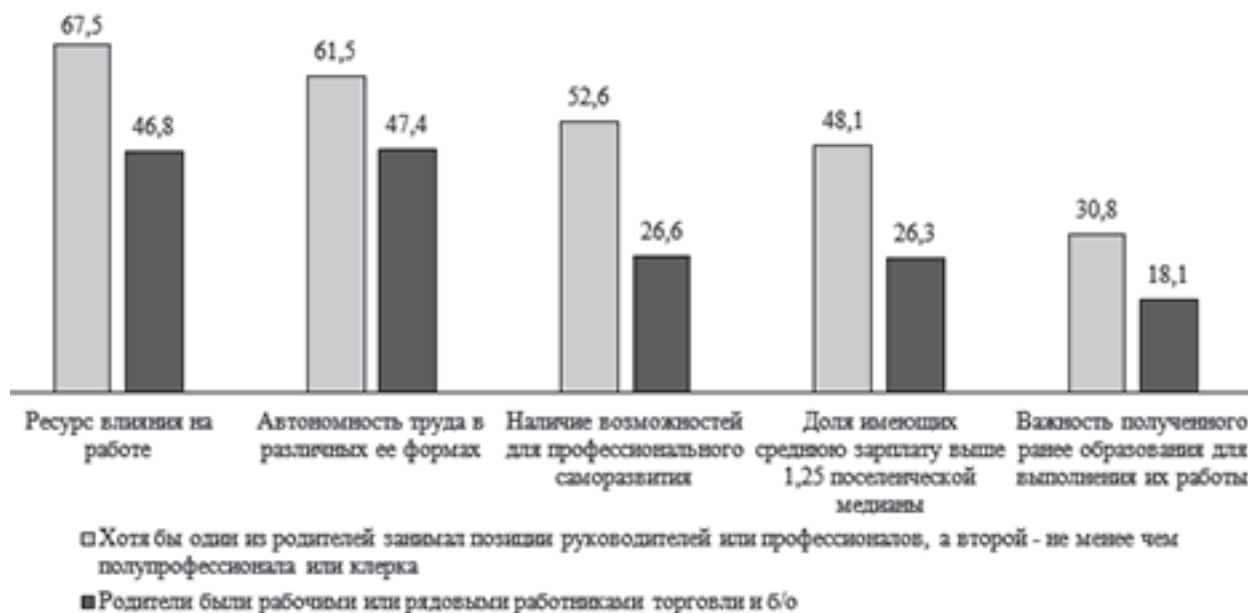

Рис. 4. Особенности занятости руководителей и профессионалов, чьи родители занимали разные профессиональные позиции в 2019 г., %

Источник: Левада-Центр (ИА)

¹⁴ Этот показатель значим, так как косвенно позволяет дифференцировать рабочие места, предполагающие углубленную многолетнюю профессионализацию в избранной специальности, и рабочие места, предполагающие только набор более или менее широких общих компетенций. Как уже демонстрировалось в литературе [Тихонова, 2017; Тихонова, 2020], эти рабочие места даже у специалистов, имеющих четвертичный уровень образования, различаются по их карьерным перспективам, устойчивости занятости, заработной плате, ресурсу влияния, социальной защищенности и т.д. Причем по всем этим характеристикам рабочие места, предполагающие углубленную профессионализацию в избранной специальности, выигрывают у рабочих мест, предполагающих только широкий круг общих компетенций.

В определённой степени объясняет эти различия специфика качества человеческого капитала¹⁵ представителей двух рассматриваемых подгрупп руководителей и профессионалов. Если среди выходцев из семей с теми же, что и у них, профессиональными позициями родителей большинство (57,7%) имели высокие его показатели, то среди выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли таких было лишь 29,3%. Со временем эти различия усугубляются, поскольку динамика позитивных изменений в качестве человеческого капитала в двух рассматриваемых подгруппах руководителей и профессионалов различна: соотношение повышавших после получения базового образования уровень своей квалификации выглядит у них как 26,2 и 17,3%, использовавших платные образовательные услуги¹⁶ для взрослых — как 14,6 и 9,2% и т.д.

Такое отношение к своему человеческому капиталу представителей двух рассматриваемых подгрупп руководителей и профессионалов во многом является следствием особенностей их хабитуса, понимаемого нами в соответствии с его трактовкой П. Бурдьё как «системы когнитивных и мотивирующих структур» [Бурдьё, 1998. С. 41]. Как уже отмечалось применительно к современному российскому обществу [Тихонов, 2019; Тихонова, 2020а], роль таких личностных особенностей индивидов, как способность к долгосрочному планированию, тип локус-контроля, неконформизм, очень велика не только для определения места человека в стратификационной системе, но и в отношении его к своему человеческому капиталу, денежным средствам и иным ресурсам. Большое значение имеют эти личностные особенности и для межгенерационного воспроизводства наиболее благополучной части массовых слоев населения или попадания в эти слои у выходцев из менее благополучных социальных слоев [Тихонова, 2020а]. В этом контексте важны заметные различия отдельных характеристик хабитуса двух разных по их социальному происхождению подгрупп руководителей и профессионалов (рис. 5). Причем если агрегировать показатели перечисленных выше характеристик, то доля имеющих все три из них одновременно у профессионалов и руководителей, выросших в семьях с тем же профессиональным статусом родителей, оказывается почти вдвое больше, чем у выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли и б/о представителей данной профессиональной группы (31,4 и 18,1%). В полтора раза различается у них и число не имеющих ни одной из этих характеристик (11,4 и 18,7%).

Образ жизни имеющих разное социальное происхождение подгрупп руководителей и профессионалов также существенно различен. Отчасти это связано с разницей их среднемесячных доходов: среди тех из них, кто вырос в семьях руководителей и профессионалов, доходы в их собственных семьях более чем в половине случаев (50,5%) превышали 1,25 поселенческой медианы доходов, в то время как среди выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли и б/о представителей той же профессиональной группы этот показатель был ближе к трети (38,6%). Отчасти же эти различия связаны с их стилями жизни и текущими приоритетами, т.е. с их культурными особенностями. Например, в первой из рассматриваемых подгрупп руководителей и профессионалов в полтора раза чаще можно встретить имеющих инвестиции и сбережения. Кроме того, большинство в первой группе (57,1%) при меньшинстве (39,7%) во второй используют платные образовательные, рекреационные, оздоровительные и туристические услуги для себя или детей, причем эти различия сохраняются и при учете уровня среднедушевых доходов в их семьях.

¹⁵ Качество человеческого капитала, в соответствии с его классической трактовкой [Becker, 1964], методически оценивалось нами на основании специального Индекса, основанного на показателях шкал «Количество лет обучения» (по которой за 10-12 лет обучения присваивался 1 балл, а с 13 лет обучения каждый год давал 1 дополнительный балл) и «Навыки», состоявшей из субшкал «Знание иностранных языков» и «Владение компьютерными технологиями». Индекс человеческого капитала рассчитывался по итогам агрегирования показателей этих шкал. Подробное описание логики и методики его построения см. [Тихонова, Каравай, 2017; Тихонова, Каравай, 2018].

¹⁶ Эта тенденция сохраняется и при учете уровня среднедушевых доходов в их семьях.

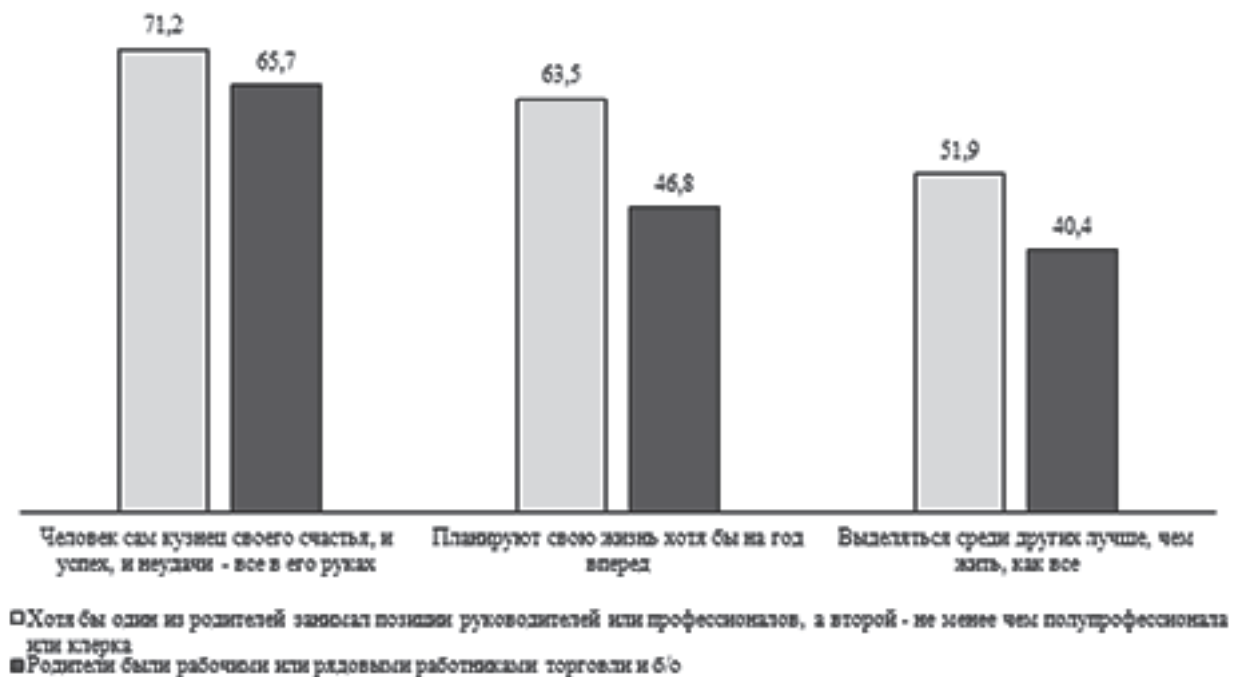

Рис. 5. Доминирующий тип локус-контроля, способность к долгосрочному планированию и доля нонконформистов у руководителей и профессионалов, чьи родители занимали разные профессиональные позиции в 2019 г., %

Источник: Левада-Центр (ИА)

Зависимость занятости и положения на рынке труда, а также образа жизни и хабитуса от социального происхождения характеризует не только руководителей и профессионалов, но также рабочих и рядовых работников торговли и б/о, т.е. характерна для всех профессиональных групп, относящихся к ядрам разных классов. Так, если говорить о рабочих и рядовых работниках торговли и б/о, то за период 2015–2018 гг. удалось получить повышение на работе или найти более подходящую работу почти каждому четвертому (17,2%) среди тех из них, кто вырос в семьях, где родители с высокой степенью вероятности относились к ядру среднего класса, и вдвое меньшему (8,4%) числу выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о. Относительно выше у них и среднемесячный заработок. Заметно чаще встречаются среди выросших в семьях, где родители с высокой степенью вероятности относились к ядру среднего класса, но сами стали рабочими или рядовыми работниками торговли и б/о, и обладающие у себя на работе ресурсом влияния на принятие решений (32,8 против 19,5% у выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о), а также те, кто обладают такими характеристиками автономности труда, как способность самостоятельно определять свой график работы (23,1 против 9,9%) или самому принимать решения о том, как выполнять поставленные задачи (20,0 и 13,4%). Более того, если учесть такие характеристики властного ресурса на работе, как наличие подчиненных, ресурса влияния или хотя бы каких-то признаков автономности труда, то различия в доле обладающих властным ресурсом в различных его разновидностях между двумя рассматриваемыми подгруппами рабочих и рядовых работников торговли и б/о окажутся качественными. Если среди выросших в семьях руководителей и профессионалов, а также семьях, где один из родителей был полупрофессионалом или клерком, а второй — руководителем или профессионалом, ставших рабочими и работниками торговли и б/о, властным ресурсом обладает большинство (60,9%), то среди выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли и б/о и воспроизведших эти профессиональные статусы — меньшинство (44,9%). Добавлю также, что работа первых вдвое чаще (20,0 против 9,9%) предполагает необходимость обновлять свои знания и повышать квалификацию. Кроме

того, хотя в обеих этих подгруппах полученное ранее образование не очень важно, но все же среди представителей той из них, которая объединяет выросших в семьях, с высокой степенью вероятности относившихся к ядру среднего класса, рабочие места втрое чаще предъявляют запрос на полученное ранее образование, знания и навыки (10,9%), чем у выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли и б/о (3,4%).

Заметно различается в этих подгруппах рабочих и рядовых работников торговли и б/о распространенность и других характеристик, о которых шла речь выше применительно к руководителям и профессионалам с разным социальным происхождением, в частности особенности их хабитуса. Так, среди оказавшихся в составе рабочих и рядовых работников торговли и б/о выходцы из семей руководителей и профессионалов почти вдвое реже не имеют ни одной из трех рассмотренных выше его характеристик, чем сохранившие профессиональную принадлежность родителей выходцы из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о, и почти вдвое чаще имеют все три эти характеристики, причем для попавших в состав низшего класса рабочих и рядовых работников торговли соответствующие разрывы еще больше.

Учитывая вышесказанное, понятнее становится, почему среди тех, кто вырос в семьях, где родители с высокой степенью вероятности относились к ядру среднего класса, сами попали в низший класс менее 20%, в то время как две трети из них вошли в состав среднего класса. В то же время в составе низшего класса оказалась почти половина (45,3%), и лишь 37,7% выросших в семьях рабочих и рядовых работников торговли и б/о вошли в средний класс. А у тех, кто и сам стал также рабочим или рядовым работником торговли и б/о, в состав низшего класса попали даже более 70%. Это означает, что *социальное воспроизводство в современной России имеет не просто очень масштабный характер* (табл. 1), но оно *гораздо масштабнее, чем воспроизводство профессиональных статусов*.

Как видно из таблицы 1, *механизм межпоколенческого воспроизводства классовой принадлежности работает в современной России для имеющих разное социальное происхождение представителей тех или иных профессиональных групп неодинаково*. К числу наиболее характерных его особенностей в этом отношении относятся:

- гораздо бóльшая вероятность попасть в состав ядра среднего класса (и средний класс в целом) у тех руководителей и профессионалов, чьи родители также были руководителями и профессионалами, чем у выходцев из других типов семей, хотя типично для руководителей и профессионалов в целом в современном российском обществе все же нахождение в составе среднего класса, точнее — его периферийной части;
- гораздо бóльшая вероятность для выходцев из этих же семей попасть в состав периферийной части среднего класса (и средний класс в целом) даже в случае занятия ими профессиональных позиций полупрофессионалов или клерков;
- сравнительно низкая (менее 50%) вероятность для выходцев из семей руководителей и профессионалов оказаться в составе низшего класса даже в случае, если они становятся рядовыми работниками торговли или рабочими. При этом вероятность и в этом случае оказаться в составе среднего класса для них сравнительно велика (около 40%), поскольку при попадании в состав этих профессиональных групп они занимают в них позиции, предполагающие относительно более высокие зарплаты, выполнение функций супервайзеров и т.п.;
- сравнительно низкая вероятность восходящей мобильности для выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли, причем это касается не столько профессиональной мобильности, сколько перехода в другой социальный класс. Так, вероятность попасть в средний класс превышает для них 50% только в случае, если они становятся руководителями и профессионалами, но и в этом случае в его состав попадают менее двух третей из них. Мобильность же в состав полупрофессионалов и клерков в большинстве случаев, в отличие от выходцев из других

Таблица 1

Классовая принадлежность представителей разных профессиональных групп, родители которых занимали различные профессиональные позиции, %*

Профессиональные статусы самих респондентов и их классовая принадлежность	Профессиональные статусы родителей		
	Хотя бы один из родителей был руководителем или профессионалом, а второй — не менее чем клерком	Прочие варианты сочетаний профессиональ- ных статусов родителей	Родители были рабочими или рядовыми работниками торговли и/или б/о
<i>Руководители и профессионалы (1 и 2 классы по ISCO-08)</i>			
Средний класс (СК), в том числе:	86,3	73,1	64,6
Ядро СК	40,0	20,1	13,9
Периферийная часть СК	46,3	53,0	50,7
Представители трансграничной зоны	13,7	26,9	35,4
Низший класс	0	0	0
<i>Полупрофессионалы и клерки (3 и 4 классы по ISCO-08)</i>			
Средний класс (СК), в том числе:	68,7	61,5	46,1
Ядро СК	15,6	12,3	8,8
Периферийная часть СК	53,1	49,2	37,3
Представители трансграничной зоны	31,3	38,5	53,9
Низший класс	0	0	0
<i>Рабочие и рядовые работники торговли и б/о (5 и 7–9 классы по ISCO-08)</i>			
Средний класс (СК), в том числе:	39,8	33,1	22,4
Ядро СК	0	0	0
Периферийная часть СК	39,8	33,1	22,4
Представители трансграничной зоны	12,5	10,1	7,4
Низший класс	47,7	56,8	70,2

* Серым фоном выделены показатели, не менее чем на 3% (средняя величина статистической погрешности для использованного массива данных) превышающие 50%, т.е. безусловно типичные для соответствующей группы.

Источник: составлено автором.

типов семей, обеспечивает для выходцев из семей рабочих и рядовых работников торговли и б/о попадание лишь в трансграничную зону. При сохранении же позиций рабочих и рядовых работников торговли и б/о вероятность оказаться в составе низшего класса превышает у них 70%.

Как видим, в России сейчас доминируют процессы классового воспроизводства. Это доминирование обеспечивается не только за счёт того, что дети руководителей и профессионалов сами чаще становятся впоследствии руководителями и профессионалами и чаще других представителей этих профессиональных групп оказываются в составе среднего класса и его ядра, но и за счёт того, что даже попадая в состав полупрофессионалов и клерков, они занимают наиболее привлекательные в этой группе рабочие места и в итоге тоже

оказываются в среднем классе — если и не в его ядре, то в периферийной части. Кроме того, даже если они становятся рабочими или рядовыми работниками торговли и б/о, то особенности их рабочих мест в большинстве случаев позволяют им не оказаться в составе низшего класса, а почти для 40% обеспечивают и пребывание в составе среднего класса. Для потомственных же представителей этих профессиональных групп вероятность оказаться в составе низшего класса почти вдвое выше, т.е. для них эффект «липкого пола» выражен очень ярко.

Однако консерватизм классовой структуры соседствует с достаточно большой открытостью профессиональной структуры российского общества, выступающей основным «социальным лифтом» как вверх, так и вниз для представителей всех классов. Так, среди руководителей и профессионалов лишь каждый пятый вырос в семьях, где родители были только руководителями и профессионалами, и даже с учетом семей, где к руководителям или профессионалам относился лишь один из родителей, а второй был полупрофессионалом или рядовым офисным служащим, эта доля доходит только до четверти.

Выводы

Объективными предпосылками, предопределяющими соотношение социального воспроизводства и социальной мобильности в российском обществе, являются два ключевых процесса, повлиявших на формирование модели его социальной структуры и место в сложившейся статусной иерархии конкретных людей. Первый из этих процессов — изменение в последние 70 лет модели экономики нашей страны, связанное с её переходом от индустриального к позднеиндустриальному этапу развития. Этот процесс привел к резким сдвигам в профессиональной структуре российского общества, что напрямую отразилось на социальном статусе родительских семей многих россиян. Второй из них — поистине революционные изменения, произошедшие во всех сферах жизни общества в 1990-е гг. Эти изменения не только привели к многократному углублению социального неравенства, но и во многом изменили представления населения о том, что является престижным, а что — нет, сформировав новую модель стратификационной иерархии.

Межгенерационное социальное воспроизводство допускает рассмотрение его в различных ракурсах. Я остановилась в данной статье только на двух из них: воспроизводство профессионально-групповой принадлежности и воспроизводство классовой принадлежности. Для основной массы россиян сейчас характерно межгенерационное классовое воспроизводство, доминирующее над процессами классовой мобильности. При этом если низший класс в большинстве случаев состоит из потомственных представителей профессиональных групп, чьи шансы на восходящую мобильность невелики, а на занятие относительно высоких для массовых слоев позиций в социальной иерархии еще ниже, то средний класс более неоднороден по своему составу, хотя ядро его составляют все же прежде всего выходцы из семей руководителей и профессионалов, занявшие эти же профессиональные позиции. В то же время, если говорить о воспроизводстве не социальных, а профессиональных статусов, то их смена от поколения к поколению, наоборот, во всех профессиональных группах доминирует над их воспроизводством. При этом межгенерационное воспроизводство и классовых, и профессиональных статусов характеризует в первую очередь полярные группы, т.е. тех, чьи родители были руководителями или профессионалами, с одной стороны, и выходцев из семей, где родители являлись рабочими или рядовыми работниками торговли и бытового обслуживания — с другой. Это отражает специфику данных профессиональных групп как ядер основных массовых классов российского общества. Что же касается членов остальных профессиональных групп, то у них процессы воспроизводства и мобильности имеют более сбалансированный характер.

Различия в масштабах профессионального и классового воспроизводства обусловливаются прежде всего тем, что места на рынке труда выходцев из родительских семей с разным профессиональным статусом, входящих в одни и те же профессиональные группы, различаются довольно сильно. Это касается и возможностей получить повышение на работе или найти более подходящую работу, и ряда немонетарных характеристик занятости (ресурса влияния у себя на работе, наличия возможностей для профессионального саморазвития и т.п.), и динамики доходов. Такая разница объясняется как спецификой качества человеческого капитала выходцев из разных типов родительских семей, так и особенностями других видов их ресурсов, включая такие личностные особенности, как способность к долгосрочному планированию, тип локус-контроля и т.д. В результате даже в рамках одних и тех же социально-профессиональных групп их члены, в зависимости от их социального происхождения, характеризуются существенно разным местом в системе социальных неравенств.

Процесс социального воспроизводства характеризуется в современной России в итоге не только большей вероятностью попадания в состав ядра среднего класса (и средний класс в целом) тех руководителей и профессионалов, чьи родители также были руководителями и профессионалами, чем для выходцев из других типов родительских семей, но и гораздо бóльшей вероятностью для выходцев из этого типа семей попасть в состав периферийной части среднего класса (и средний класс в целом) даже в случае занятия ими профессиональных позиций полупрофессионалов или клерков, а также сравнительно низкой вероятностью оказаться в составе низшего класса даже если они становятся рядовыми работниками торговли или рабочими, поскольку и в этом случае они занимают в соответствующих профессиональных группах наиболее привлекательные позиции. Типично для потомственных представителей рабочих и рядовых работников торговли и б/о при этом — межгенерационное воспроизводство в составе своего класса. Более того, даже получив высшее образование, став руководителями или профессионалами и сумев оказаться в составе среднего класса, дети рабочих и рядовых работников торговли и б/о в массе своей характеризуются относительно более низкими позициями в этом классе, худшим качеством своих рабочих мест и бóльшими рисками «выпасть» из него при любых экономических неурядицах макро- и микроуровня. Если же они оказываются на позициях полупрофессионалов и клерков, то в большинстве своем (в отличие от выходцев из семей руководителей и профессионалов на формально тех же рабочих позициях) им не удается попасть в состав среднего класса.

Таким образом, с одной стороны, в России пока еще существует достаточно большая открытость профессиональной структуры российского общества. С другой стороны, ситуация с социальным воспроизводством в целом обстоит далеко не так благополучно, как может показаться, судя по ситуации с воспроизводством профессиональных позиций. Во-первых, даже вероятность оказаться в различных профессиональных группах сильно различается в зависимости от социального происхождения. Во-вторых, наиболее благополучной ситуация в этом отношении была в советское время, а начиная с поколения, вступившего в трудовую жизнь в 2000-х гг., доминирование процесса межгенерационного профессионального воспроизводства над процессами профессиональной мобильности усилилось. В-третьих, как уже упоминалось выше, рабочие места у выходцев из разных типов семей даже при наличии у них одних и тех же профессиональных позиций сильно различаются по их качеству, устойчивости и вероятности сохранить свою профессиональную принадлежность при возникновении кризисных явлений в экономике. Наконец, в-четвертых, если говорить не только о воспроизводстве профессиональных статусов, но и о межгенерационном социальном воспроизводстве позиций в социальной структуре в целом, то в наибольшей степени оно характерно для среднего и низшего классов, особенно их ядер (т.е. пресловутый эффект «липкого пола» выражен в российском обществе очень ярко именно для них). В то же время социальное воспроизводство других массовых групп имеет довольно причудливый вид, а его масштабы существенно различаются в раз-

ных возрастных группах, отражая изменения в макроэкономической ситуации в стране в разные периоды её развития.

Все вышесказанное говорит о том, что роль профессиональной мобильности как ключевого инструмента смены классовой принадлежности в современном российском обществе все еще сохраняется, хотя возможности для этой формы мобильности постепенно сокращаются. Однако и сейчас еще воспользоваться этим инструментом для смены своей классовой принадлежности удастся далеко не всем, кто сумел повысить свой профессиональный статус по отношению к статусу своих родителей, и переоценивать её роль в этом отношении не стоит.

ЛИТЕРАТУРА

- Бурдые П. (1998). Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. I, № 2. С. 40–58.
- Бурдые П. (2002). Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. №. 5. С. 60–74.
- Зубаревич Н.В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: НИСП.
- Карцева М.А., Кузнецова П.О. (2020). Неравенство возможностей и неравенство доходов населения в российских регионах: анализ взаимосвязи // Материалы XXI Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, 19 мая. 2020. www.hse.ru/data/2020/05/20/1547846760/%D0%9A%D1%83%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
- Козырева П.М. (2013). Межпоколенная социально-профессиональная мобильность в постсоветской России // Социологическая наука и социальная практика. № 1. С. 60–73.
- Константиновский Д.Л. (2008). Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы — начало 2000-х). М.: ЦСО.
- Лукьянова А.Л. (2010). Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 14. № 3. С. 326–348.
- Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. (2019). Относительная доходная мобильность россиян в объективном и субъективном измерении: специфика и вызовы для социальной политики // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова) / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН. С. 394–399.
- Мкртчян Н.В. (2013). Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX — начале XXI века // Известия РАН. Серия географическая. № 6. С. 19–32.
- Многомерная социальная мобильность в современной России (2018) / Отв. ред. М.Ф. Черныш, Ю.Б. Епихина. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН.
- Мобильность и стабильность на российском рынке труда (2017) / Под общ. ред. Р.И. Капелюшников, В.Е. Гимпельсон. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения (2018) / Н.Е. Тихонова, Ю.П. Лежнина, С.В. Мареева, В.А. Аникин, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк; под ред. д. социол. н. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История.
- Нова ли новая Россия (2016) / Под ред. О.И. Шкаратана, Г.А. Ястребова. М.: Университетская книга.
- Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования (2015) / Д.Л. Константиновский, М.А. Абрамова, Е.Д. Вознесенская, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк, Е.С. Попова, Г.А. Чередниченко. М.: ЦСП и М.
- Образование и социальная дифференциация (2018) / Отв. ред. М. Карной, И.Д. Фруммин, Н.Н. Кармаева; НИУ ВШЭ, Институт образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Общероссийский классификатор занятий, актуальный на 2020 год. (2020). ОКЗ 2020 (ОК 010-2014). classdoc.ru/okz (дата обращения 21.01.2021).
- Профессии на российском рынке труда (2017) / Отв. ред.: Н.Т. Вишневская. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ.
- Тихонов А. А. (2019). Динамика финансового и потребительского поведения россиян в 2003-2018 гг. // Журнал институциональных исследований. Т. 11. № 3. С. 153–169.
- Тихонова Н. Е. (2014а). Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф.
- Тихонова Н. Е. (2014b). Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социологические исследования. № 10. С. 23–35.
- Тихонова Н. Е. (2017). Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // Вестник Института социологии. Т. 8. № 2. С. 140–165.
- Тихонова Н.Е. (2020а). Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. Социология, этнология. Т. 29. № 1. С. 6–30.
- Тихонова Н.Е. (2020b). Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала // Социологические исследования. № 10. С. 71–83.

- Тихонова Н.Е. (2020с). Средний класс в фокусе экономического и социологического подходов: границы и внутренняя структура (на примере России) // Мир России. Социология, этнология. Т. 29. № 4. С. 34–56.
- Тихонова Н. Е., Каравай А. В. (2017). Человеческий капитал российских рабочих: общее состояние и специфические особенности // Мир России: Социология, этнология. Т. 26. № 3. С. 6–35.
- Тихонова Н. Е., Каравай А.В. (2018). Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. № 5. С. 84–98.
- ФСГС РФ. (2020). Рабочая сила, занятость и безработица в России — 2020 г. rosstat.gov.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm (дата обращения 21.01.2021).
- Черныш М.Ф. (2005). Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе. М.: Гардарики.
- Черныш М.Ф. (2010). Социальная мобильность в российском и китайском мегаполисах // Россия реформирующаяся: Ежегодник — 2010. М.: Новый Хронограф. С. 151–168.
- Ястребов Г.А. (2016а). Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Ч. I // Мир России: Социология, этнология. Т. 25. № 1. С. 7–34.
- Ястребов Г.А. (2016б). Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Ч. II // Мир России: Социология, этнология. Т. 26. № 2. С. 6–36.
- Becker G.S. (1964). Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Chicago. University of Chicago Press.
- Gerber T.P., Hout M. (2004). Tightening up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition // American Sociological Review. Vol. 69. No. 5. P. 677–703.
- International Standard Classification of Occupations: ISCO-08 (2012) / International Labour Office. Geneva: ILO.

Тихонова Наталья Евгеньевна

netichon@rambler.ru

Natalia Tikhonova

Doctor of Sociology, Professor, Leading Researcher at the Institute of Social Policy, Professor-Researcher, National Research University "Higher school of economics"; Chief Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

netichon@rambler.ru

INTERGENERATIONAL REPRODUCTION OF PROFESSIONAL STATUSES AND CLASS IN MODERN RUSSIAN SOCIETY¹⁷

Abstract. Intergenerational reproduction of professional statuses in modern Russia is less widespread than the professional mobility and is typical primarily for polar groups: managers and professionals, on the one hand, and manual and trade workers, on the other. The situation is different with class affiliation, for which intergenerational reproduction is prevalent. This imbalance is explained by the fact that people from parental families with different professional status, even being in the same professional groups, occupy job positions that differ significantly. Those who come from families of managers and professionals and have retained this professional affiliation usually belong to the core of the middle class defined by criteria of income, education, and professional status. At the same time, managers and professionals who grew up with parents with a different professional status, usually belong only to the periphery of the middle class or do not belong to it at all, since the specifics of their resources (qualification, personal, etc.) affect their ability to occupy the attractive job positions within their respective occupational groups. Moreover, those who come from families of managers and professionals have a high chance of getting into the middle class even if they hold the positions of semi-professionals or clerks, as well as a relatively low chance of belonging to the lower class if they are manual and trade workers, since they occupy positions that ensure the highest salaries, the functions of supervisors etc. even in these professional groups. At the same time, it is common for hereditary representatives of the lower class to find themselves in the worst job positions in all respects, even within the framework of its typical professional groups (manual and trade workers). These specifics of social reproduction largely determine its character in modern Russia.

Keywords: *social reproduction, social mobility, class affiliation, reproduction of professional statuses, professional mobility.*

JEL: D01, E24, E65, E71, I30, J00.

¹⁷ The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

REFERENCES

- Becker G.S. (1964). *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education*. — Chicago: University of Chicago Press.
- Bourdieu P. (1998). Struktura, gabitus, praktika [Structure, habit, practice] // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. V. I. No. 2. Pp. 40–58.
- Bourdieu P. (2002). Formy kapitala [Forms of capital] // *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. V. 3. No. 5. Pp. 60–74.
- Chernysh M.F. (2005). *Sotsial'nyye instituty i mobil'nost' v transformiruyushchetsya obshchestve* [Social institutions and mobility in a transforming society]. Moscow: Gardariki.
- Chernysh M.F. (2010). Sotsial'naya mobil'nost' v rossiyskom i kitayskom megapolisakh [Social mobility in Russian and Chinese megalopolises] // *Rossiya reformiruyushchayasya: Yezhegodnik — 2010* [Reforming Russia: Yearbook – 2010]. Moscow: Novyy Khronograf. Pp. 151–168.
- FSGS RF. (2020). *Rabochaya sila, zanyatost' i bezrabotitsa v Rossii — 2020 g.* [Labor force, employment and unemployment in Russia — 2020]. rosstat.gov.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm (date of the application: 21.01.2021).
- Gerber T.P., Hout M. (2004). Tightening up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition // *American Sociological Review*. Vol. 69. No. 5. P. 677–703.
- International Standard Classification of Occupations: ISCO-08 (2012) / International Labour Office. — Geneva: ILO.
- Kartseva M.A., Kuznetsova P.O. (2020). Neravenstvo vozmozhnostey i neravenstvo dokhodov naseleniya v rossiyskikh regionakh: analiz vzaimosvyazi [Inequality of opportunities and inequality of income of the population in Russian regions: analysis of the relationship] // *Materialy XXI Aprel'skoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, 19 maya 2020* [Materials of the XXI April International Scientific Conference on the Development of Economy and Society, May 19, 2020]. www.hse.ru/data/2020/05/20/1547846760/%D0%9A%D1%83%D0%B7%D0%BD%D0%B5%D1%86%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D1%82%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%8B.pdf (date of the application: 21.01.2021).
- Konstantinovskiy D.L. (2008). *Neravenstvo i obrazovaniye. Opyt sotsiologicheskikh issledovaniy zhiznennogo starta rossiyskoy molodezhi (1960-ye gody — nachalo 2000-kh)* [Inequality and education. The experience of sociological research on the life start of Russian youth (1960s — early 2000s)]. Moscow: TSSO.
- Kozyreva P.M. (2013). Mezhpokolennaya sotsial'no-professional'naya mobil'nost' v postsovetsoy Rossii [Intergenerational social and professional mobility in post-Soviet Russia] // *Sociological Science and Social Practice* // *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. No 1. Pp. 60–73.
- Luk'yanova A.L. (2010). Otdacha ot obrazovaniya: chto pokazyvayet meta-analiz [Return on education: what the meta-analysis shows] // *Ekonomicheskii zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. Vol. 14. No. 3. Pp. 326–348.
- Mareyeva S.V., Slobodenyuk Ye.D. (2019). Otnositel'naya dokhodnaya mobil'nost' rossiyan v ob'yektivnom i sub'yektivnom izmerenii: spetsifika i vyzovy dlya sotsial'noy politiki [Relative income mobility of Russians in objective and subjective dimensions: specifics and challenges for social policy] // *Budushcheye sotsiologicheskogo znaniya i vyzovy sotsial'nykh transformatsiy (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya V. A. Yadova) / Otvetstvennyy redaktor. M. K. Gorshkov* [The future of sociological knowledge and challenges of social transformations (to the 90th anniversary of V.A. Yadov's birth) / Executive editor. M.K. Gorshkov]. Moscow: FNISTS RAN. Pp. 394–399.
- Mkrtychyan N.V. (2013). Migratsiya molodezhi v regional'nyye tsentry Rossii v kontse XX — nachale XXI veka [Migration of youth to the regional centers of Russia in the late XX — early XXI century] // *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya*. No. 6. Pp. 19–32.
- Mnogomernaya sotsial'naya mobil'nost' v sovremennoy Rossii (2018) / Otv. red. M. F. Chernysh, YU. B. Yepikhina [Multidimensional social mobility in modern Russia (2018) / Resp. ed. M.F. Chernysh, Yu.B. Epikhina]. Moscow: Institut sotsiologii FNISTS RAN.
- Mobil'nost' i stabil'nost' na rossiyskom rynke truda (2017) / Pod obshch. red.: R. I. Kapelyushnikov, V. Ye. Gimpel'son [Mobility and stability in the Russian labor market (2017) / Under total. ed.: R.I. Kapelyushnikov, V.E. Gimpelson]. Moscow: NUR HSE.
- Model' dokhodnoy stratifikatsii rossiyskogo obshchestva: dinamika, faktory, mezhstranovyye sravneniya (2018) / N.E. Tikhonova, Yu.P. Lezhnina, S.V. Mareyeva, V.A. Anikin, A.V. Karavay, Ye.D. Slobodenyuk; pod redaktsiyey doktora sotsiologicheskikh nauk N.Ye. Tikhonovoy [Model of Income Stratification of Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-Country Comparisons / N.E. Tikhonova, Yu.P. Lezhnina, S.V. Mareyeva, V.A. Anikin, A.V. Karavay, E.D. Slobodenyuk; under the editorship of Doctor of Sociological Sciences N.E. Tikhonova]. Moscow; St-Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Nova li novaya Rossiya (2016) / Pod red. O.I. Shkaratana, G.A. Yastrebova [Is New Russia New: Monograph (2016) / Ed. O.I. Shkaratan, G.A. Yastrebova]. Moscow: Universitetskaya kniga.
- Novyye smysly v obrazovatel'nykh strategiyakh molodezhi: 50 let issledovaniya (2015) / D.L. Konstantinovskiy, M.A. Abramova, Ye.D. Voznesenskaya, G.S. Goncharova, V.G. Kostyuk, Ye.S. Popova, G.A. Cherednichenko [New meanings in educational strategies of young people: 50 years of research (2015) / D.L. Konstantinovskiy, M.A. Abramova, E.D. Voznesenskaya, G.S. Goncharova, V.G. Kostyuk, E.S. Popova, G.A. Cherednichenko]. Moscow: TSSP i M.

- Obrazovaniye i sotsial'naya differentsiatsiya* (2018) / Otv. red. M. Karnoy, I.D. Frumin, N.N. Karmayeva [Education and social differentiation]. Moscow: HSE.
- Obshcherossiyskiy klassifikator zanyatiy, aktual'nyy na 2020 god.* (2020). OKZ 2020 (OK 010-2014) [All-Russian classifier of occupations, relevant for 2020. OKZ 2020 (OK 010-2014)]. classdoc.ru/okz (date of the application: 21.01.2021).
- Professii na rossiyskom rynke truda* (2017) / Otv. red.: N.T. Vishnevskaya [Professions in the Russian labor market / Resp. ed. : N.T. Vishnevskaya]. Moscow: HSE.
- Tikhonov A.A. (2019). Dinamika finansovogo i potrebitel'skogo povedeniya rossiyan v 2003–2018 gg. [Dynamics of financial and consumer behavior of Russians in 2003–2018] // *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*. Vol. 11. No. 3. Pp. 153–169.
- Tikhonova N. E. (2014a). *Sotsial'naya struktura Rossii: teorii i real'nost'* [Social structure of Russia: theories and reality]. M.: Novyi khronograf.
- Tikhonova N.E. (2014b). Faktory stratifikatsii v sovremennoy Rossii: dinamika sravnitel'noy znachimosti [Stratification Factors in Modern Russia: Dynamics of Comparative Significance] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 10. Pp. 23–35.
- Tikhonova N.E. (2017). Chelovecheskiy kapital professionalov i rukovoditeley: sostoyaniye i dinamika [Human capital of professionals and managers: state and dynamics] // *Vestnik Instituta sotsiologii*. Vol. 8. No. 2. Pp. 140–165.
- Tikhonova N.E. (2020a). Osobennosti identichnostey i mirovozzreniya osnovnykh strat sovremennogo rossiyskogo obshchestva [Peculiarities of identities and worldviews of the main strata of modern Russian society] // *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*. Vol. 29. No. 1. Pp. 6–30.
- Tikhonova N.E. (2020b). Rossiyskiye professionaly: spetsifika rabochikh mest i chelovecheskogo potentsiala [Russian professionals: the specifics of jobs and human potential] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 10. Pp. 71–83.
- Tikhonova N.E. (2020c). Sredniy klass v fokuse ekonomicheskogo i sotsiologicheskogo podkhodov: granitsy i vnutrennyaya struktura (na primere Rossii) [The middle class in the focus of economic and sociological approaches: boundaries and internal structure (on the example of Russia)] // *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*. Vol. 29. No. 4. Pp. 34–56.
- Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2017). Chelovecheskiy kapital rossiyskikh rabochikh: obshcheye sostoyaniye i spetsificheskiye osobennosti [Human capital of Russian workers: general condition and specific features] // *Mir Rossii. Sotsiologiya, etnologiya*. Vol. 26. No. 3. Pp. 6–35.
- Tikhonova N.E., Karavay A.V. (2018). Dinamika nekotorykh pokazateley obshchego chelovecheskogo kapitala rossiyan v 2010–2015 gg. [Dynamics of some indicators of the total human capital of Russians in 2010–2015] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 5. Pp. 84–98.
- Yastrebov G.A. (2016a). Sotsial'naya mobil'nost' v sovetskoy i postsovetskoy Rossii: novyye kolichestvennyye otsenki po materialam predstavitel'nykh oprosov 1994, 2002, 2006 i 2013 gg. Chast' I [Social mobility in Soviet and post-Soviet Russia: new quantitative estimates based on the materials of representative surveys of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part I] // *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*. Vol. 25. No. 1. C. 7–34.
- Yastrebov G.A. (2016b). Sotsial'naya mobil'nost' v sovetskoy i postsovetskoy Rossii: novyye kolichestvennyye otsenki po materialam predstavitel'nykh oprosov 1994, 2002, 2006 i 2013 gg. Chast' II [Social mobility in Soviet and post-Soviet Russia: new quantitative estimates based on the materials of representative surveys of 1994, 2002, 2006 and 2013. Part II] // *Mir Rossii: Sotsiologiya, etnologiya*. Vol. 26. No. 2. Pp. 6–36.
- Zubarevich N.V. (2010). *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia: inequality, crisis, modernization]. Moscow: NISP.